

Государственное бюджетное учреждение культуры
Природный, архитектурно-археологический музей-заповедник
«Дивногорье»

ДИВНОГОРСКИЙ СБОРНИК

Труды музея-заповедника «Дивногорье»

В ы п у с к 8

Воронеж
Полиграфический центр
«Пресс-Бургер»
2021

УДК 908(470.324)
ББК 26.89(2Рос-4Вор-5)
Д44

Редакционная коллегия:
Канд. ист. наук С. И. Владимиров (отв. редактор),
д-р ист. наук Е. Ю. Захарова,
канд. ист. наук А. М. Родионов, Е. В. Клепова

Д44 **Дивногорье сборник: труды музея-заповедника «Дивногорье»**
/ под ред. С. И. Владимирова; Природный, архитектурно-археологический музей-заповедник «Дивногорье». – Вып. 8. – Воронеж : Полиграфический центр «Пресс-Бургер», 2021. – 260 с.
ISBN 978-5-9059-2837-6

В восьмом выпуске трудов музея-заповедника «Дивногорье» публикуются материалы научной конференции «Дивногорье: место и время», посвященной его тридцатилетию. В состав сборника входят статьи по географии, геологии, ботанике, энтомологии, истории, археологии и музейному делу.

Сборник адресован всем, интересующимся историческим прошлым нашей страны и ее природным разнообразием.

УДК 908(470.324)
ББК 26.89(2Рос-4Вор-5)

*На 1-й странице обложки – пещерный комплекс в Больших Дивах (рисунок Е. Л. Маркова), снить обыкновенная (рисунок А. М. Муковниной), зооморфная костяная ручка (из фондов археологического музея ВГУ)
На 4-й странице обложки – рисунок Е. Л. Маркова.*

© Природный, архитектурно-археологический музей-заповедник «Дивногорье», 2021
© Изд. оформление.
Полиграфический центр «Пресс-Бургер», 2021

ISBN 978-5-9059-2837-6

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии 6

ПРИРОДА

- Агафонов В. А., Ганнибал Б. К., Казьмина Е. С., Чернышова Т. Н.**
Ресурсный потенциал флоры Дивногорья 10
- Бережная Т. В.** Музей-заповедник Дивногорье как уникальный полигон изучения реликтовых ландшафтов 15
- Ганнибал Б. К.** Исследования петербургских геоботаников в Дивногорье: история и результаты 20
- Панкратова Л. А.** Влияние заповедного режима на скорость восстановительных сукцессий на примере музея-заповедника Дивногорье (Воронежская область) 32
- Подобед Е. А., Назаров И. С.**
Ландшафтные особенности меловых склонов Дивногорья 38
- Пантелеева Н. Ю.** Редкие виды беспозвоночных Дивногорья: видовой состав, современное состояние популяций 46
- Григорьевская А. Я., Мирошникова А. А., Назарченко В. В., Шиш А. В., Ивонин С. С.**
Памятник природы как рефугиум редких кальцефильных растений Среднерусской лесостепи 50
- Попова Н. Н.** Бриофлора природных парков Воронежской области 54
- Попова Н. Н.** Бриологическое обоснование организации комплексного заказника «Потуданский» (Воронежская область) 59
- Разиньков Н. Д., Овчинникова Т. В.**
Повреждение объектов водного хозяйства как следствие климатических изменений 65

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

- Бессуднов А. Н., Захарова Е. Ю.**
Археология Дивногорья: памятники и исследователи 72

Сычева С. А., Бессуднов А. А., Бессуднов А. Н., Захарова Е. Ю., Тимирева С. Н., Кононов Ю. М., Симакова А. Н., Филиппова К. Г. Палеоэкологические условия разреза стоянки поздней поры верхнего палеолита Дивногорье 1 (Воронежская обл.).....	79
Бурова Н. Д. Зооархеологические исследования памятника Дивногорье 9.....	92
Родионов А. М. Трасологический анализ каменного инвентаря верхнепалеолитических стоянок Дивногорье 1, Дивногорье 9	103
Лисицын С. Н. Охотники на лошадей третьего культурного слоя стоянки Борщево 5, связанного с уровнем выпадения кампанского вулканического пепла	116
Ахметгалеева Н. Б. Стоянки охотников на копытных животных Быки в Посеймье: функциональные особенности.....	122
Чубур А. А. Типология плейстоценовых кладбищ мегафауны и место в ней Дивногорского костяка.....	132
Томилин Д. А. Проблема этнокультурной интерпретации памятников Среднего Дона VI-IV вв. до н.э. (Историографический аспект)	140
Строков А. А., Камелина Г. А. Коллекция из раскопок раннесредневекового Борисовского могильника в фондах Государственного Исторического музея	144
Петрухин В. Я. Донские крепости и славяно-хазарские отношения	151
Флеров В. С. Ранние описания Правобережного Цимлянского городища	159
Владимиров С. И. Хронология погребений Маяцкого селища (по деталям поясных наборов).....	177
Апареева Е. К. Презентация монографии: «Диалог культур в камнерезном искусстве. По материалам статуарных комплексов степного Подонцовья»	187
Красильников К. И. Статуарный музейный комплекс г. Луганска в познании этнокультуры населения Подонцовья в древности (источники, классификация, направления исследований).....	194
Городцова Ю. Н. Роль Д. М. Струкова в изучении памятников Дивногорья	203

Назарова В. С. Очерк истории слободы Селявной в конце XVII – начале XX века.....	219
Степкин В. В. Сакральный ландшафт Дивногорья.....	225

МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО

Назаров И. С., Чиркова Е. В. Опыт проведения экологических мероприятий на территории музея-заповедника «Дивногорье»	236
Котлярова И. В. Археологические экспозиции и выставки: концепции и методы (на примере работы музея-заповедника «Костенки»).....	240
Назаренко С. А., Варенкова О. В. Знакомство с флорой меловых обнажений в рамках музейно-образовательной деятельности Белгородского государственного историко-краеведческого музея	250
Список сокращений	254
Сведения об авторах	256

К. И. Красильников

Луганский государственный педагогический университет
(г. Луганск, Украина)

**СТАТУАРНЫЙ МУЗЕЙНЫЙ КОМПЛЕКС
Г. ЛУГАНСКА В ПОЗНАНИИ ЭТНОКУЛЬТУРЫ
НАСЕЛЕНИЯ ПОДОНЦОВЬЯ В ДРЕВНОСТИ
(ИСТОЧНИКИ, КЛАССИФИКАЦИЯ,
НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ)**

Музей под открытым небом – реальное воплощение иллюстраций, научных познаний, сохранения этнокультурного наследия ушедших обществ. Идеи и европейская практика организации музеев-скансенов восходит ко второй половине XIX ст. [Чайковский, 1991. С. 12-13; Севан, 2006. С. 60-69]. В наших реалиях их появление связано со второй половиной XX в. [Музейное дело России, 2003; Кепін, 2005].

Предлагаемая статья презентует материалы парка-музея г. Луганска, в котором сосредоточено более 80 монументальных артефактов камнерезного творчества индоевропейских (III–II тыс. до н.э.), иранских (I тыс. до н.э.) и тюркоязычных народов начала II тыс. н.э. в прошлом обитавших в степных пространствах Подонья, Подонцовья и Донецкого края.

Опыт и практика организаций музеев-заповедников камнерезного искусства в восточноевропейских степях восходит ко второй половине XIX ст., к таковым относим Аскания-Нова на Херсонщине [Дашкевич, Трыярски, 1982], Каменная Могила на Днестре, Днепрпетровский краеведческий музей [Крылова, 1976], Великоанадольский заповедник на Донечине [Дидова, 1987], Свердловский музей на Луганщине [Каталог, 2003. С. 70-76].

Значительная часть тюркских изваяний находится в музеях РФ, но в них камнерезное искусство представлено выборкой художественно-зрелищных образцов [Плетнева, 1974а]. Промежуточные группы статуарного культурогенеза древних тюрков в типологическом пространстве от стеловидных центральноазиатских VI–VII вв. [Грач, 1961], до округлых среднеазиатских IX–X вв. [Шер, 1966], и к восточноевропейским изваяниям XI–XIII вв. еще и теперь обозначены прежде известными типологическими и эволюционно-хронологическими схемами, приемлемыми тюркскому статуарному искусству в целом [Федоров-Давыдов, 1966. Рис. 25-28; Плетнева, 1974а. Рис. 33, 35].

Нами к пополнению статуарных фондов и работы с ними определены иные подходы, суть которых в том, что при обнаружении предполагаемых

статуарных артефактов, прежде всего, обращали внимание на стело-столбовидность монолитов, присутствие признаков механической обработки в направлении композиционно-художественных форм. Осмотр монолитов, прослеживаемых в различных условиях их местонахождений, выявил около 130 как законченных изваяний, так и заготовок к ним с разной степенью обработок (рис. 1, 1).

В парке-музее Луганска значится 75 статуарных форм (рис. 1, 2), 15 из них переданы в экспозиции народных музеев. Продолжением парковой скульптурной коллекции являются тематические музейные экспозиции археологических древностей из раскопок в Подонцовье в культурно-хронологическом пространстве от палеолита до средневековой этнографии, экспонируемых в 25 стендах [Красильников, Апареева, 2020. С. 386-390].

Научно-познавательные возможности паркового комплекса определяются тем, что вся серия статуарных артефактов происходит из компактного пространства, охватывающего около 8–8,5 тыс. км² (рис. 1, 1). Здесь, в пределах центральной и северной частей Донецкого края, рельеф местности, как и ее экология, повторяют Центральноазиатские, Алтайские, Семиреченские ландшафтные зоны, являющиеся ойкуменой народа «тюрк». Видимо, плоскогорья Среднедонечья были восприняты коmano-кипчаками как образ прародины с ресурсами к экстенсивному скотоводству и геологическими породами, пригодными в сакрально-статуарном деле [Гераськова, Багно, 1981. С. 126-127].

Из анализа статуарных форм Подонцовья остановимся на трех позициях: типобразующие признаки и их хронология, возрастная и социосакральная персонификация женских образов, и, конечно же, семантика изваяний.

I. Принадлежность изваяний к кипчакам обоснована Н. И. Веселовским [Веселовский, 1915. С. 408-444], это же подтверждают очевидцы событий, происходивших в восточноевропейских степях в XIII ст. [Рубрук, 1957. С. 108; Низами, 1988], но первый опыт композиционной типологии осуществлен лишь в XIX в. А. С. Уваров известные к тому времени скульптуры подразделил на три группы: «сидящие», «стоящие», «столбовидные». Тогда же обозначил им хронологию: «стеловидные» – самые ранние, а объемные, круглые, в частности, «сидящие» изготовлены позднее, около IV–V вв. [Уваров, 1871. С. 512-515].

В основе классификации изваяний, предложенной Г. А. Федоровым-Давыдовым в 60-х годах XX вв., учтены позы скульптур. Типы определяются сменяемостью композиций по схеме – «стоящие» являются прототипами «сидящих», а позднее и «стеловидных» [Федоров-Давыдов, 1966. С. 167-168]. С. А. Плетнева первичным типобразующим признаком считала пол изваяний. В этой связи скульптуры разделены на два отдела – мужские и женские. Вторым признаком являются позы статуй: первый тип – «стоящие», второй – «сидящие», третий – «стеловидные». Дальней-

шие деления на подтипы определяются иконографическими и другими частными приемами, которые усложняют логику и схему типологии [Плетнева, 1974а. С. 60-69].

В современных исследованиях, посвященных кочевникам средневековья, высказаны сомнения относительно комано-кипчакской принадлежности изваяний и возможности появления в отрезке менее 200 лет их истории законченных скульптурных форм [Гераськова, 1991. С. 99].

Композиционные и иконографические многообразия изваяний парка-музея, в свою очередь, корректируют вопросы типолого-хронологических признаков, посредством которых намечаем две группы – плоские и круглые, в них шесть типов скульптурных форм: плоские «стелообразные» и «округло-столбовидные», круглые – «стоящие», «полусидящие», «сидящие», «антропостолбовидные» [Красильников, Апареева, 2020. С. 73-90].

Плоские привносят традиции статуй VI-VII вв. Центральной Азии [Грязнов, 1950; Евтюхова, 1952; Грач, 1961]. Округлые, среднеазиатские VIII-X вв., трансформируются в направлении круглых объемных форм [Шер, 1966]. В свою очередь объемные восточноевропейские половецкие скульптуры XII – нач. XIII вв. в иконографии приблизились к античным статуарным формам [Красильников, Апареева, 2017. С. 189-190; 2020. С. 79, 85]. Столь быстрый прогресс скульптурного культурогенеза Евразийского пространства вызван интенсивной феодализацией общества кочевников, способствующей формированию как имущественных социо-сакральных институтов в лице гражданской феодальной и военной аристократической элиты, так и ее стремлением войти в систему цивилизованных обществ постантичной Европы. Прецедент подобных устремлений можно наблюдать в истории древних славян в период образования государственности, ориентированной на властные структуры Византии и духовность православия.

II. Половозрастную стратификацию изваяний определяем посредством визуального анализа головных уборов, в отдельных случаях портретности образов, одежды, аксессуаров и, конечно же, фигур. Из 68 полоопределяемых статуй 44 ед. (64,7 %) – женские образы, мужских изображений в пределах 24 экз. (35,3 %). Возрастная классификация женских персонажей представлена следующей статистикой: 11 ед. (25 %) – девы подросткового периода, 26 ед. (59 %) – взрослые молодявые репродуктивного возраста женщины, 6 ед. (13,6 %) – пожилые женщины, 1 ед. (2,3 %) – младеница. Индикатором определения возрастных параметров являются иконографические варианты изображения вторичного полового признака – женской груди.

Как известно, Центральноазиатские статуи VI-VIII вв. посвящены исключительно мужчинам-воинам [Грязнов, 1950. С. 128-156]. Женские изображения в статуарном монументализме появляются с IX в., к тому же, в основном в западном ареале древнетюркской культурно-исторической общности – в Семиречье, Казахстане [Шер, 1966. С. 22].

Вопросы, касающиеся стилистики изображения женской груди на половецких скульптурах восточноевропейских степей, ее символизме попытаемся обозначить изваяниями XI-XIII вв., выявленными, в том числе, в степном Подонцовье.

Прежде всего, отметим факт изображения груди различными иконографическими приемами, которые, по нашему мнению, являются маркерами возрастного и социально-сакрального статуса женских персонажей, на что обратил внимание М. П. Грязнов. В частности, на скульптурах восточных массивов, Семиречья, Казахстана явно изображена девичья грудь, а не грудь женщины-матери, которая изображается совершенно иначе [Грязнов, 1950. С. 155-156]. Кстати, девы находят место и в мифологии тюрко-уйгуров [Бичурин, 1950-1953. С. 215].

На половецких статуях степей Восточной Европы, которые на ряд столетий моложе древнетюркских из Азии, признаки прежних тотемных традиций отчасти исчезли и теперь иконографические образы женских персонажей олицетворяет грудь женщины-матери, матроны и прародительницы. Однако, девы подросткового возраста по-прежнему «наделены» женскими символами в виде разноразмерных плоских и выпуклых окружностей. Образ женщин-матрон репродуктивного возраста определяет грациальность позы и объемная грудь кормящей матери, прототипы пожилых женщин прародительниц наделены приземистыми тучными гипертрофированными фигурами и низко свисающей грудью.

В абсолютном большинстве статуарных композиций, несмотря на очевидность «одежды», женская грудь исполнена в обнаженном виде. Обнаженность груди объясняет мифология древних тюрков [Плетнева, 1974б. С. 145]. Значимость материнского молока в жизнеобеспечении ребенка запечатлена в статуарной композиции матери и младеницы (рис. 1, 3) [Плетнева, 1974б. С. 258-261].

Итак, иконография женских образов предполагает четыре возрастные группы, каждой из которых присущ характерный прием исполнения вторичного полового признака, по которому определяем возрастные и социо-сакральные параметры женского статуарного персонажа.

Вместе с тем, заметное доминирование женских образов (63 % к 37 %), изысканность гарнитуры, аксессуаров костюмированных фигур, иногда портретность личин в сочетании с композиционной грациальностью поз и художественной индивидуальностью аристократок – свидетельства сложившихся и утвердившихся феодальных устоев, в которых скульптурные персонажи могли быть заказными, а, следовательно, эксклюзивными. В тоже время следует отметить, что скульптурным образам, изображающим пожилых женщин, а также для значительной части матрон характерна безликость, которую, видимо, следует объяснять чадропокрывтием или даже умышленной затертостью личин, что могло быть следствием проникновения в Евразийские степи мусульманства (см. Путешествие ибн-Фадлана на Волгу и принятие ислама) [Кравченко, 2005. С. 153-186].

III. Вопросы семантики, или смысловой нагрузки скульптурных изображений, предлагаем обосновать материалами раскопок объектов, связанных с половецкими древностями, и здесь же изваяниями в состоянии *in situ*.

Все специалисты, занимавшиеся изваяниями этнотюрков, затрагивали тему семантики – предназначения статуарных образов. В поиске истины в начале XX вв., было раскрыто более 50 курганов, на которых к тому времени находились изваяния. Выводы археологов оказались прямо противоположными существующим суждениям – связей статуй с захоронениями не прослежено. В таком случае, в теме, касающейся функциональности изваяний, логично принять во внимание сакральные мотивы.

Практику обустройства сакральных объектов кочевниками прослеживаем в Центральной Азии, затем в ситуации расселения народа тюрк к западу в восточноевропейские степи. На территориях Подонья, Подонцова, в Донецком крае изучено более десяти подобных местонахождений, отличающихся по размерам, архитектурно-конструктивным деталям, но главное, ритуально-обрядовым действиям, их сопровождающих [Гугуев, Гуркин, 1992. С. 114-143; Гугуев, 2003. С. 72-83; Евглевский, 1996. С. 214-224; Посредников, 1992. С. 180-185; Швецов, 1979. С. 199-210 и др.]. Обширная информация действий, связанных с «умерщвлением» статуй, огнепоклонством, жертвоприношениями, набором вещей военной атрибутики, получена в курганах в ур. Мечетное – сакрально-ритуального объекта явно элитного статуса [Красильникова, Красильников, 2009. С. 179-93].

Итак, принимая во внимание композиционные, иконографические, художественные особенности статуй, обнаруженных в местах, имеющих отношение к сакралитету с признаками ритуально-обрядовых действий с использованием инвентарных наборов, удастся обозначить как рядовые гражданские, так и элитно-аристократические культовые объекты. В первом случае, видимо, их следует обозначить как культовые *сакральные местонахождения* семейно-родового, путевого, вблизи аулов, зимовищ, обычного гражданского статуса, о которых сообщают Низами и Рубрук [Низами, 1968. С. 657; Рубрук, 1957. С. 102, 108].

Святылища же характеризуют классические художественные скульптурные формы, здесь же прослеживаем ритуально-обрядовые действия, сопровождаемые огнепоклонством, жертвенностью, инвентарными наборами оружейного характера. Примером военно-аристократического статуса является святылище «Мечетненского урочища» [Красильникова, Красильников, 2009. С. 179-193].

Мы предполагаем возможным обустройство элитных святылищ аристократок из семейств и близкородственных особ ханов, баев, военных предводителей орд. Вместе с тем, факт преобладания женских образов над мужскими может объясняться сохранившимся у кочевников матриархальным укладом и родственной матрилинейностью [Гераськова, 1974. С. 258-259; Плетнева, 1974б. С. 259-261]. Позднее, в смутное для половцев время начала XIII вв., идеи женского оберегопокровительства оказались

настолько востребованными, что повлияли на иконографию части мужских образов, наделяя их «женской грудью».

К вопросу о сохранении статуарного наследия.

Несмотря на приемлемые экоусловия парковой зоны, статуи из мелкозернистых рыхлых песчаников все же подвергаются процессам шелушения, выветривания и разрушения.

По поводу способов сохранения статуй высказывались различные рекомендации. Например, с целью изоляции от влаги С. А. Плетнева предлагала накрыть изваяния навесом или же регулярно покрывать их известковым раствором. Но в этом случае художественная сторона скульптур и окружающая их зеленая зона парка будут выглядеть не привлекательно – серым запыленным пространством.

В нашей практике разработан стадийный подход консервации их поверхностей в виде локальных механических зачисток загрязненных техногенными отходами, мшистых и плесневых участков в летний период, с просушкой и последующим покрытием водо-лагодотталкивающим бесцветным эмульсионным раствором Antipluviol. Мергелевые, ракушечные рыхлые слабоцементированные песчаниковые скульптуры содержим в закрытых музейно-экспозиционных помещениях.

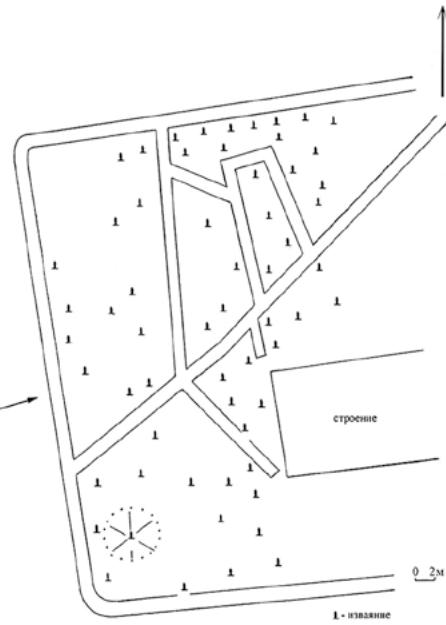
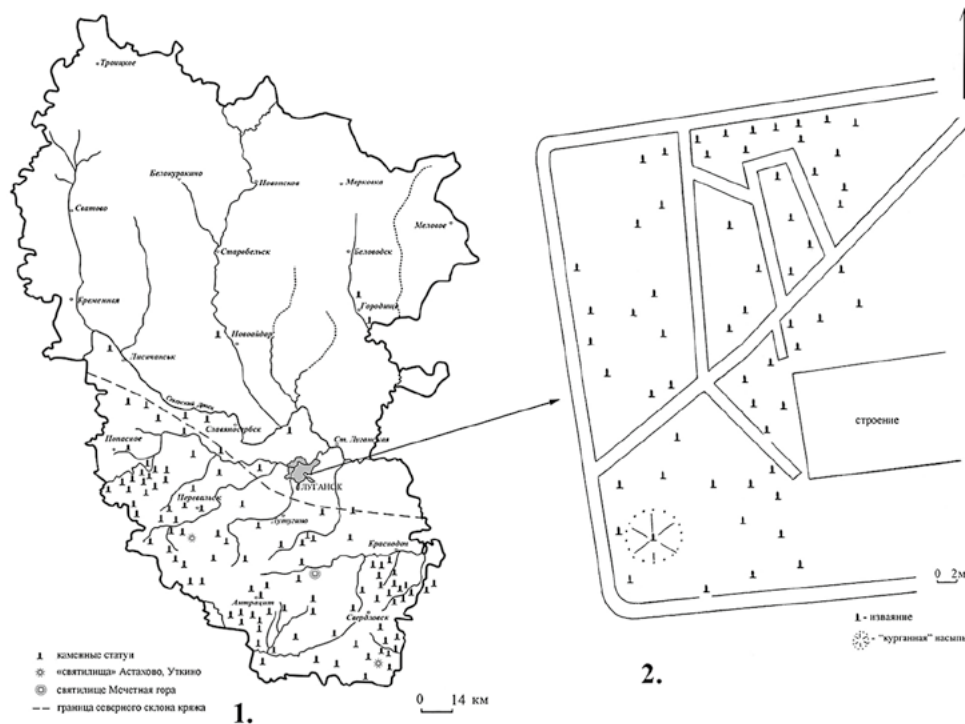

Рис. 1. 1 – Регион местонахождений половецких изваяний в степном Подонцовье; 2 – план парка-музея гор. Луганска; 3 – скульптурная композиция матери и ребенка.

ЛИТЕРАТУРА

- Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950-1953. – Т. 1. – 382 с.; Т. 2. – 334 с.
- Веселовский Н. И. Современное состояние вопроса о «Каменных бабах» или «Балбалах» // ЗООИД. – Одесса, 1915. – Т. 32. – С. 408-444.
- Гераськова Л. С. Половецкая статуя из с. Чернухино // СА. – 1974. – № 3. – С. 256-257.
- Гераськова Л. С. Скульптура Середньовічних кочовиків степів Східної Європи – К.: Наук. думка, 1991. – 132 с.
- Гераськова Л. С., Багно Г. Ф. К проблеме локализации центров изготовления скульптур половцев на основе геологических данных // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. – К., 1981. – С. 126-127.
- Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы: По материалам исследований 1953–1960 гг. – М.: Изд-во Восточной лит-ры, 1961. – 95 с.
- Грязнов М. П. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами // СА. – 1950. – Вып. 12. – С. 128-156.
- Гуцуев Ю. К. Половецкое святилище необычной конструкции на Северском Донце // Донская археология. – 2001. – № 3-4 (12-13). – С. 72-83.
- Гуцуев Ю. К., Гуркин С. В. Половецкое святилище середины XI – начала XIII вв. на правом берегу Дона (опыт исследования семантики культового комплекса) // Донские древности. – Азов: Азов. краевед. музей, 1992. – Вып. 1. – С. 114-143.
- Дидова Л. З. Великоанадольский лес // Заповедная природа Донбасса. – Донецк: Донбасс, 1987. – С. 62-68.
- Дашкевич Я., Трыярски Э. Каменные бабы Причерноморских степей: коллекция из Аскании-Нова. – Вроцлав: Изд-во Польской АН, 1982. – 370 с.
- Евглевский А. В. Культовое захоронение половецких каменных изваяний в святилище на Мечетном поле в Донбассе // Древние культуры Восточной Украины. – Луганск: ВУГУ, 1996. – С. 214-224.
- Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // Материалы и исследования по археологии Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – Т. 1 – № 24. – С. 72-120.
- Каменные бабы. Каталог. Днепропетровский исторический музей имени Д. И. Яворницкого / автор-сост. Л. П. Крылова. – Днепропетровск: изд-во Проинь, 1976. – 101 с.
- Каталог археологических коллекций Свердловского краеведческого музея / отв. ред. И. Н. Ключева. – Луганск-Свердловск, 2003. – 78 с.
- Кетін Д. В. Музеєфікація об'єктів археологічної спадщини в Європі (на прикладі пам'яток первісної культури). – К.: Центр пам'яткознавства НАН України і УТОПК, 2005. – С. 89-90.
- Кравченко Э. Е. Мусульманское население среднего течения Северского Донца и распространение ислама в Восточной Европе в Хазарское время // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк, 2005. – Т. 4. – С. 153-186.
- Красильников К. И., Апареева Е. К. Статуарный культурогенез комано-кипчаков XI–XIII вв. восточноевропейских степей // Археология евразийских степей. XII Халиковские чтения. – Казань, 2017. – С. 189-190.
- Красильников К. И., Апареева Е. К. Диалог культур в камнерезном искусстве. По материалам статуарных комплексов степного Подонцовья. – Луганск: Авангард, 2020. – 404 с.
- Красильникова Л. И., Красильников К. И. Комплексное святилище в степном Подонцовье (новые сюжеты к теме сакральные памятники) // Дивногорский сборник. Труды музея-заповедника «Дивногорье». – Воронеж, 2009. – Вып. 1. – С. 179-193.
- Музейное дело России / под ред. М. Е. Каулен, И. М. Коссовой, А. А. Сундиевой. – М.: Издательство «ВК», 2003. – 614 с.
- Низами Искандер. Пять поэм / пер. с фарси А. Бертельса. – М.: Худ. лит., 1968. – 863 с.
- Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния // САИ. – М.: Наука, 1974а. – Е 4–2. – 200 с.
- Плетнева С. А. Женская половецкая статуя с ребенком // СА. – 1974б. – № 3. – С. 258-262.
- Посредников В. А. Половецкое святилище у с. Благовка на юге Луганщины // Донецкий археологический сборник. – Донецк, 1992. – Вып. 1. – С. 180-185.

- Севан О. Г. Музеи под открытым небом Европы // Обсерватория культуры. – М.: Рос. гос. б-ка, 2006. – № 3. – С. 60-69.
- Уваров А. С. Сведения о каменных бабах // Труды I Археологического съезда. – М.: Синодальная Типография на Никольской улице, 1871. – Т. 2. – С. 501-521.
- Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. – М.: МГУ, 1966. – 276 с.
- Чайковский Е. На пути к музею XXI века // Музеи-заповедники. – М.: НИИК, 1991 (1992). – 237 с.
- Шапошникова О. Г., Фоменко В. Н., Довженко Н. Д. Ямная культурно-историческая общность (южнобугский вариант) // САИ. – 1986. – Вып. 1-3. – 160 с.
- Швецов М. Л. Половецкие святилища // СА. – 1979. – № 1. – С. 199-210.
- Шер А. Я. Каменные изваяния Семиречья. – М.-Л.: Наука, 1966. – 140 с.

Ю. Н. Городцова

Музей-заповедник «Дивногорье» (г. Воронеж, РФ)

РОЛЬ Д. М. СТРУКОВА В ИЗУЧЕНИИ ПАМЯТНИКОВ ДИВНОГОРЬЯ

Яркой страницей в дореволюционной истории изучения памятников Дивногорья стала работа московского художника-реставратора и археолога Дмитрия Михайловича Струкова (1828-1899).

Дмитрий Михайлович родился в Москве в 1828 г., а в 1847 г. поступил в рисовальную школу, учрежденную графом С. Г. Строгановым. Благодаря своему таланту он начинает получать частные заказы, знакомится с профессорами Московской духовной академии и работает в библиотеках академии и Троице-Сергиевой лавры, копируя древние рукописные рисунки и орнаменты. По инициативе Д. М. Струкова в 1849 г. в Троице-Сергиевой лавре была открыта иконописная школа. Дмитрий Михайлович был сторонником расширения художественного образования, его своеобразным популяризатором: в 1858-1863 гг. им издавался журнал «Школа рисования», где печатались рисунки с древних букв и заставок, литературные памятники, статьи о древнерусском искусстве; был преподавателем рисования во многих училищах Москвы; разрабатывал курсы и программы рисования [Савельева, 2014. С. 78-79].

В 1860 г. Д. М. Струков поступил на службу в Оружейную палату Московского Кремля (до 1886 г.), где занимался описанием, копированием и реставрацией древнерусских памятников, особенно древних знамен и портретов. Д. М. Струков являлся членом Московского археологического общества (с 1868 г. избран его членом-корреспондентом); состоял в Обществе любителей духовного просвещения. По чертежам Дмитрия Михайловича были сооружены более 100 храмов в Москве и западных городах России, создавались иконостасы. Он участвовал в реставрации собора Василия Блаженного на Красной площади [Савельева, 2014. С. 79].

При этом его любимой исследовательской темой стало изучение Крыма и сохранение его православных памятников. В 1867 г. художник принимал участие в возобновлении пещерного храма во имя святого Климента в Инкермане близ Севастополя, и с этого момента поездки в Крым стали регулярными. Мы не будем сейчас подробно останавливаться на этом направлении его деятельности, так как изучению и сохранению храмов и памятников культуры на территории Крымского полуострова посвящен